

Великое государство Центральной равнины — и вдруг позволяет варварам с лугов вертеть собой, как вздумается! Бывший император даже называл себя перед ними сыном-подданным. Подобный позор Цзи Цзиньжун вынести не мог.

Цзи Цзиньжун невозмутимо стоял на своем месте, спокойно глядя на послов тюрков.

Те, не скрывая наглости, окинули его своими ярко-синими глазами. Один из них, прижав ладонь к груди, произнес несколько фраз. Он говорил на тюркском, и Цзи Цзиньжун, не понимая ни слова, перевел взгляд на чиновника Хунлусы, стоявшего неподалеку.

Тот покрылся градом пота и лишь пробормотал:

— Посол выражает почтение Вашему Величеству.

Цзи Цзиньжун слегка прищурился. Взглянув на посла, он произнес:

— Раз уж вы здесь, давайте немного поразвлечемся.

Чиновник Хунлусы вздрогнул от испуга. Великая Ци издревле славилась управлением через литературу и словесность, как же они могли тягаться с тюрками в стрельбе из лука верхом? Разве это не навлечет на себя позор?

Заметив, что чиновник застыл в оцепенении, Цзи Цзиньжун нахмурился, выражая недовольство. Он обвел взглядом остальных:

— Кто-нибудь из вас... знает тюркский язык?

Чиновник перепугался до смерти и тут же рухнул на колени.

Цзи Цзиньжун терпеть не мог эту привычку придворных Великой Ци чуть что — падать ниц. Он перевел взгляд на других и заметил молодого чиновника, стоявшего прямо, с благородной осанкой. Тот приподнял глаза, словно желая что-то сказать. Цзи Цзиньжун обратился к нему:

— Ты, иди сюда.

Молодой человек был удивлен, но послушно сделал несколько шагов вперед и передал послам слова императора на их языке.

Глава посольства перевел взгляд с Цзи Цзиньжуна на юношу, и в его глазах промелькнул интерес.

— Это как раз по мне, — ответил он.

Молодой чиновник сделал еще шаг вперед и обратился к Цзи Цзиньжуну:

— Ваше Величество, помимо тюркских послов, здесь есть и другие, прибывшие в Великую Ци на морских судах. Не желаете ли вы их принять?

— Разумеется, — ответил Цзи Цзиньжун.

Юноша распорядился позвать заморских гостей. Эти люди разительно отличались от тюрков: их одежда была пронизана экзотикой, а волосы у одних были золотистыми, у других — огненно-рыжими. Выглядело это крайне необычно.

Цзи Цзиньжун был поражен, но виду не подал. С улыбкой он спросил:

— Умеете ли вы ездить верхом?

Молодой чиновник жестами объяснил гостям вопрос императора. Те дружно закивали:

— Конечно, конечно.

— Тогда присоединяйтесь, — сказал Цзи Цзиньжун.

По обычаю, первую стрелу должен был пустить император. Чжэньнань-ван приказал выгнать на поле дикого оленя. Цзи Цзиньжун вскочил на рыжего коня, проскакал вслед за зверем некоторое расстояние и, выпустив стрелу, точно поразил его в горло. Чиновники, чьи сердца до этого сжимались от страха за государя, наконец выдохнули.

Цзи Цзиньжун развернул коня и слегка улыбнулся собравшимся. В этот момент люди, загонщики, выгнали из чащи добычу, и тысячи птиц с шумом взмыли в небо, спасаясь из леса.

Чжэньнань-ван сжал бока своего скакуна, побуждая его догнать императора.

Придворные пришли в себя и разбрелись по лесу в поисках дичи.

Тюркские и заморские послы были немало удивлены. Все твердили, что новый император слаб и бездарен, но судя по этой осенней охоте — все совсем не так. А тот, кого многие называли мятежником и негодяем, был предан государю больше, чем верный пес, и, казалось, не хотел оставлять его ни на миг. Разве могут так вести себя изменники?

Но больше всего им запомнились тот меткий выстрел и улыбка Цзи Цзиньжуна.

Сам выстрел был неплох, но не настолько, чтобы вызывать восторг, скорее — просто достойно. А вот улыбка, с которой он развернул коня, показалась им чем-то незабвенным.

Тот, кого они, жители степей, презирали больше всего, внезапно предстал перед ними

подобным солнцу и луне, вызывая невольное желание склониться перед ним. И внешностью, и манерами Цзи Цзиньжун совершенно не походил на те слухи, что о нем ходили.

Глава тюркских послов, чей взгляд стал чуть темнее, взмахнул плетью:

— Поехали! Испытаем этого императора Центральной равнины!

Остальные последовали за ним. Заморские послы также вскочили в седла и устремились в охотничьи угодья, рыская по лугам и лесам в поисках легкой добычи.

Охотничий дворец постепенно оживился.

Прошло всего полчаса, как Цзи Цзиньжун вернулся в свои покои. Поскольку тренировался он всего месяц, тот меткий выстрел был лишь удачей. За все время он почти ничего не поймал, к тому же натер бедра до крови, так что решил вернуться отдохнуть.

В конце концов, всю добычу, которую поймают министры, все равно запишут на его счет. Почти сотня человек против нескольких иноземцев — не ударят в грязь лицом. Не говоря уже о том, что рядом был Чжэньнань-ван.

Цзи Цзиньжун считал, что именно присутствие Чжэньнань-вана помешало ему самому что-либо добыть. Стоило ему заметить дичь, как ван уже пускал стрелу и убивал её! За полчаса Чжэньнань-ван перебил почти сотню зверей. Если бы они остались в лесу дольше, ван перебил бы там всё живое!

Пока Цзи Цзиньжун предавался этим мыслям, он вдруг заметил, что Чжэньнань-ван достал какую-то диковинку.

По указанию Чжэньнань-вана слуги принесли прямоугольную жаровню и мешок древесного угля. В жаровне уже тлели угли, но не было ни дыма, ни копоти — видимо, уголь был высшего сорта.

Чжэньнань-ван установил над углями решетку и сказал:

— Ваше Величество, это способ приготовления пищи, пришедший с Запада. Мясо, поджаренное на огне с любимыми специями, получается очень вкусным. — Он сделал паузу и добавил: — Только много есть не стоит.

Цзи Цзиньжун с воодушевлением подсел поближе:

— Хорошо!

Слуги принесли замаринованное свежее мясо — его Чжэньнань-ван приказал доставить во дворец сразу после охоты. Мясо было нежным, аппетитным и готовилось быстро.

Чжэньнань-ван заметил:

— Старые звери слишком жилистые, мясо у них грубое и жесткое. Я выбирал тех, кому не больше года. Их много, но вкусного мяса с них выходит немного, так что съедем — и всё.

Цзи Цзиньжун: «...»

Вот почему ван отпускал крупных зверей и выбирал только молодняк — оказывается, он привередничал, что большие невкусные!

Относительно такого отношения Чжэньнань-вана к еде — когда он не терпит ни малейшей небрежности — Цзи Цзиньжуну хотелось сказать лишь одно: «Молодец!»

Под руководством Чжэньнань-вана Цзи Цзиньжун нанизал мясо на шампуры, положил на решетку и смазал свежим медом. Работа была простой, и он быстро вошел во вкус, увлеченно занимаясь готовкой.

Вскоре по дворцу поплыл аромат жареного мяса с медовыми нотками. Слуги невольно тягивали носами воздух и сглатывали слюну.

В народе говорили, что Чжэньнань-ван и новый император как лед и пламя, но, глядя на них, никто бы в это не поверил. Ван оберегал государя, как зеницу ока, лелеял его, как величайшее сокровище! Разве стал бы он так заботиться о еде того, кого искренне ненавидит?

Цзи Цзиньжун смотрел, как красные кусочки мяса постепенно доходят до готовности, и это казалось ему чем-то удивительным.

— Тот, кто первым... додумался использовать огонь, был очень умным, — проговорил он. — Иначе нам пришлось бы, как диким зверям, грызть окровавленное сырое мясо.

Перед Чжэньнань-ваном Цзи Цзиньжун не скрывал своего заикания. В силе он всё равно не мог с ним сравниться, поэтому умеренная слабость была лучшей стратегией.

Чжэньнань-ван, дослушав его сбивчивую речь, помрачнел.

— Разве не в уме заключается главное отличие человека от зверя? — ответил он.

Именно из-за этого «ума» он сдерживался, и именно из-за него Цзи Цзиньжун ловко пользовался этой сдержанностью. Пока он не давил слишком сильно, Цзи Цзиньжун не отстранялся.

Заметив пристальный взгляд вана, Цзи Цзиньжун почувствовал, как сердце ушло в пятки. Он понимал, что слова вана имеют двойное дно. Хотя он всё время пытался внушить себе, что Чжэньнань-ван относится к нему как добрый старший брат, в глубине души он прекрасно

понимал: в глазах вана порой вспыхивало неприкрытое желание.

Он отчаянно балансировал на грани, словно шел по хрупкому мосту, который в любой момент мог рухнуть.

Цзи Цзиньжун попробовал кусочек мяса, и его тревога мгновенно улетучилась. Может, оттого, что он приготовил его сам, вкус казался необычайно восхитительным!

Цзи Цзиньжун улыбнулся вану:

— Вкусно.

Чжэньнань-ван почувствовал, как черты лица государя всё больше сливаются с образом того императора, которого он знал. Что-то внутри него вырвалось наружу, и он не смог больше сдерживаться.

— Ваше Величество... — позвал он.

Цзи Цзиньжун посмотрел на него.

— Могу ли я... поцеловать вас?

Цзи Цзиньжун замер.

Чжэньнань-ван понимал, что напугал его. Но он больше не мог контролировать себя, особенно после того, как увидел, как легко Цзи Цзиньжун выбирает среди чиновников нужных людей. Он знал: однажды придет день, и Цзи Цзиньжун больше не позволит ему такой близости.

Однажды он припомнит ему сегодняшнее давление.

Чжэньнань-ван положил руки на талию Цзи Цзиньжуна, медленно приблизился и, прижавшись лбом к его лбу, хрипло прошептал:

— Ваше Величество, мой государь...

Жар, исходивший от вана, заставил Цзи Цзиньжуна оцепенеть. Видя, что тот не отталкивает его, Чжэньнань-ван продолжил:

— Ваше Величество, скоро я отправлюсь в поход.

Он уйдет на несколько месяцев, и у Цзи Цзиньжуна будет достаточно времени, чтобы привлечь на свою сторону придворных.

Цзи Цзиньжун почувствовал, что ван видит его насквозь. Он широко открытыми глазами встретил его жгучий взгляд.

Губы Чжэньнань-вана накрыли губы Цзи Цзиньжуна. Движения его не были грубыми, но в них сквозило сильное собственничество, словно он мечтал поглотить его без остатка.

Цзи Цзиньжун затаил дыхание — он не привык к такой близости среди бела дня.

Ван быстро прервал поцелуй. Не убирая рук с талии Цзи Цзиньжуна, он с усмешкой сказал:

— Ваше Величество, дышите.

Цзи Цзиньжун остолбенел.

Чжэньнань-ван с довольным видом наставлял его:

— Не нужно задерживать дыхание, когда целуетесь. — Он поцеловал его в кончик носа. — Разве нос не для этого нужен?

Цзи Цзиньжун, конечно, это знал. Он просто боялся, что ван окончательно потеряет контроль и разрушит тот самый шаткий мостик, по которому он шел. Он рискнул, надеясь, что ван остановится, когда он начнет задыхаться. Он выиграл этот спор, но на душе легче не стало.

Он предпочел бы, чтобы чувства вана не были настоящими, чтобы это было лишь желание.

Видя, что Цзи Цзиньжун помрачнел, ван ощутил досаду. Он убрал руки с его талии и сказал:

— Я поджарю вам еще немного крольчатины.

Цзи Цзиньжун ответил коротким «м-м» и снова погрузился в процесс готовки. Когда закончатся весенние цветы и осенняя луна? Лучше уж наестся мяса досыта!

Когда придворные вернулись к охотничьему дворцу, их встретил едва уловимый аромат жареного мяса. Пробегав по лесу больше часа, все были измотаны, а несколько чиновников даже получили ранения от диких зверей.

Теперь каждый из них был голоден как волк. Кто же это там так вкусно ест? Просто возмутительно!

Вскоре они увидели двух виновников.

Чжэньнань-ван и Цзи Цзиньжун вышли один за другим. Лицо императора было свежим, глаза

блестели, и ни следа усталости — очевидно, он отдыхал уже давно.

Ясно, кто тут пировал!

Придворные молча проглотили свои проклятия.

Цзи Цзиньжун сказал пару дежурных фраз, а подсчет добычи и награждение поручил другим. Наевшись, он почувствовал сонливость.

Тюркские и заморские послы, которые хотели блеснуть своими успехами, были уязвлены безразличием императора. Неудивительно, что он так легко пригласил их поохотиться — оказывается, это было для него лишь забавой.

Посол тюрков заинтересовался Цзи Цзиньжуном еще сильнее. У него было предчувствие: этот мальчишка даст ему хороший шанс, отличный шанс...

Его предчувствия никогда не подводили. Поэтому, когда Цзи Цзиньжун прислал приглашение на ужин, посол согласился, не раздумывая.

Когда Цзи Цзиньжун отдавал распоряжения Хэ Таю, Чжэньнань-ван был рядом. Услышав о том, что император собирается ужинать с послом наедине, он приподнял бровь:

— Какие у Вас планы, Ваше Величество?

— А у тебя? — ответил Цзи Цзиньжун.

Чжэньнань-ван ответил кратко:

— Чтобы отразить внешнюю угрозу, нужно сначала навести порядок внутри.

Цзи Цзиньжун понял его. «Порядок внутри» для вана означало не просто границы Великой Ци, а весь Центральный Китай. Сначала усмирить южные племена, затем разобраться с Силяном — вот что значит внутренний порядок. Объединив силы Центральной равнины, можно будет направить меч против степи и смыть позор.

Глаза Цзи Цзиньжуна заблестели, и он похвалил:

— Превосходно. — Он помолчал, не скрывая своих мыслей: — Я хочу, чтобы тюрки потеряли покой внутри себя.

Чжэньнань-ван кивнул. Тюрки сильны лишь потому, что в степи нет никого, кто мог бы с ними сравниться. Если же тюрки разделятся на две, три, четыре части, они погрязнут в бесконечных междоусобицах, как когда-то Китай. Тогда их угроза значительно ослабнет.

— Вы справитесь один, Ваше Величество? — спросил ван.

Цзи Цзиньжун кивнул. Имя Чжэньнань-вана слишком известно, его присутствие лишь насторожит послов. Он посмотрел на него:

— Мне нужен тот человек, что был сегодня утром.

Чжэньнань-ван сжал кулаки, но всё же приказал позвать молодого чиновника. Когда распоряжения были отданы, он сказал:

— Я пойду совершу обход.

Цзи Цзиньжун проводил его взглядом.

Когда молодой чиновник вошел, он как раз увидел удаляющуюся фигуру вана. Его взгляд стал серьезным. Под предводительством евнуха он подошел к императору, поклонился и представился:

— Хань Шичжи приветствует Ваше Величество.

— Садись, — сказал Цзи Цзиньжун.

Хань Шичжи был польщен, но, поблагодарив с подобающей вежливостью, сел, не выказывая ни малейшего замешательства. Сразу видно — отпрыск аристократического рода, воспитанный в традициях.

Цзи Цзиньжун, изучивший за последнее время знатные семьи Ци, был знаком с фамилией Хань. Он смутно догадывался, из какой тот ветви, и спросил:

— Хань из Яньбэя или Хань из Цзяннани?

При упоминании Яньбэя взгляд Хань Шичжи стал суровым:

— Отвечаю Вашему Величеству, я из рода Хань из Яньбэя.

К сожалению, Яньбэй давно пал под властью тюрков — бывший император сам отдал его, чтобы просить тюрков снять осаду с Силяна! Когда-то прославленный род Хань был вынужден бежать на юг, словно бездомные псы, что довело его деда до смертельной болезни.

Лицо Хань Шичжи лишь слегка дрогнуло, но Цзи Цзиньжун уже увидел его боль и нежелание мириться с поражением. Хань Шичжи не был чиновником Хунлусы, но знал тюркский — не иначе как из желания познать врага. Если в правительстве и был кто-то, кто жаждал изгнать тюрков и вернуть Яньбэй, то это был человек из рода Хань!

Именно такой человек ему и был нужен.

— Я хочу посеять раздор среди тюрков, — сказал Цзи Цзиньжун. — Готов ли ты... — он посмотрел на него, — планировать это вместе со мной?

Хань Шичжи, словно человек в засуху,ждавший дождя, внезапно почувствовал, как глаза увлажнились. Сегодня, впервые увидев императора, он лишь робко надеялся. Он и подумать не мог, что государь выделит его из сотен чиновников, а теперь пригласит планировать стратегию против тюрков!

Неважно, сколько времени это займет — пока у Цзи Цзиньжуна есть намерение вернуть Яньбэй, Хань Шичжи будет готов плакать от счастья. Больше всего он боялся, что все будут молчать о Яньбэе, будто он никогда не принадлежал Великой Ци!

Яньбэй! Яньбэй! Его Яньбэй! Тот самый Яньбэй, чье имя повторял его дед, умирая у него на руках!

Со слезами на глазах Хань Шичжи встал и опустился на колени:

— Мои способности ничтожны, но раз Ваше Величество не презирает меня, я готов служить вам до конца!

Огни горели ярко, как днем. Столы ломились от яств. Цзи Цзиньжун угощал тюркского посла крепким вином.

Главе посольства было около двадцати семи-восьми лет, он сидел широко расставив ноги, с той самой удалью, что присуща степнякам. Цзи Цзиньжун велел Хань Шичжи представить гостю вино. Из-за нехватки зерна в Великой Ци действовал сухой закон, и посол, приехав сюда, не мог найти вина. Учувя тонкий аромат, он тут же почувствовал, как в горле пересохло от желания.

Цзи Цзиньжун выставил несколько сортов вин, но не спешил наполнять чаши, предпочитая вести светскую беседу. Послу приходилось подавлять жажду и отвечать.

Вопросы императора были неважными, и посол отвечал на них один за другим. Имя посла было трудно запомнить, в переводе оно означало «Летающий орел». Ему было двадцать восемь лет, он уже был отцом пятерых детей — двух сыновей и трех дочерей, и обладал завидной энергией.

Цзи Цзиньжун пообещал сделать подарки детям: сыновьям — драгоценные мечи и крепкое вино, дочерям — украшения и шелка. Всё это было выбрано с великой тщательностью. Посол решил, что это просто дань вежливости, и не придавал значения.

Упомянув детей, Цзи Цзиньжун спросил, есть ли дети у тюркского хана.

Заметив, что император постоянно расспрашивает о младшем поколении, посол присмотрелся к нему. Только сейчас он осознал, что этот бравый правитель на коне выглядит лет на десять-одиннадцать — сущий подросток. Наверное, потому он и ищет общения со сверстниками?

— Разумеется, — ответил посол. — У хана два сына, они постарше вас, им уже за двадцать.

Выслушав перевод Хань Шичжи, Цзи Цзиньжун огорчился, словно надеялся, что они могли бы подружиться. Затем он стал расспрашивать о развлечениях в степи.

Посол не выдержал:

— Почему бы не поговорить за чаркой вина?

Цзи Цзиньжун, словно только сейчас вспомнив о госте, рассмеялся:

— Верно, давайте пить и говорить!

У Цзи Цзиньжуна была слабая голова, поэтому он пил сладкое вино, в котором было больше сахара, чем крепости. Ему оно очень нравилось, и он выпил три чаши подряд, продолжая расспрашивать о степных забавах.

Три чаши не удовлетворили посла — чаши были слишком малы, для такого дела нужна пиала! Но, встретившись с пытливым взглядом Цзи Цзиньжуна, посол неожиданно стал терпеливым и начал рассказывать о нравах, обычаях и еде тюрков.

Когда зашла речь о жареном барашке, без которого не обходится ни один праздник у костра, глаза Цзи Цзиньжуна вспыхнули огоньками! Неужели этот маленький император — гурман?

Посол велел налить себе вина и, попивая, стал рассказывать о тюркских деликатесах. В изысканности и способах приготовления тюрки, конечно, уступали жителям Центральной равнины, но их кухня была пропитана духом кочевников, и всё, о чем он рассказывал, звучало необычно и заманчиво.

Глаза Цзи Цзиньжуна сияли всё ярче. Он велел Хань Шичжи наказать послу: в следующий раз обязательно привезти с собой поваров, умеющих готовить степные блюда.

Посол: «...»

Должно быть, он окончательно лишился рассудка, если решил, что это хороший шанс.

Этот ужин можно было считать удавшимся. На прощание Цзи Цзиньжун, не скрывая сожаления, щедро подарил послу несколько рецептов приготовления вина.

Хань Шичжи передал слова императора:

— Наш государь говорит, что в Великой Ци не хватает зерна для виноделия, поэтому он решил отдать эти рецепты вам.

<http://bllate.org/book/22178/2310780>